

Беседа с Арменом Борисовичем Джигарханяном оказалась длиною в год: мы говорили на встрече со студентами ВГИКа, в актерской гримерной и просто на улице. За это время я понял, как мне показалось, главное в нем: он очень любит людей и любит для них трудиться.

— Армен Борисович, вы сыграли почти сто киноролей, приобрели известность как театральный актер. В чем, по-вашему, существо профессии актера?

— Суть актерской профессии вообще-то трудно передать словами. Я не пытаюсь делать из нее какую-то магию. Наоборот, все гораздо проще, чем мы рассказываем, а вы пишете. Как говорил Василий Васильевич Меркурьев — «это из области запахов»...

— Может, мои слова и покажутся кому-то кокетством, но я порой сомневаюсь, своим ли делом занят. Бывает так: неудачная репетиция, неудачные съемки, чего-то не понял, был беспомощен в ситуации. И думается: «Может, это не МОЕ дело?..» А бывает и наоборот.

На каждом спектакле необходимо все делать как будто впервые. Но самое трудное — быть живым, по-настоящему живым. То есть находиться сейчас, сию минуту как бы в зале, но одновременно в разыгрываемой ситуации. Нужно быть настолько живым, чтобы и зритель вошел в эту ситуацию, чтобы и он по-настоящему запереживал. Вот это в нашей профессии самое невероятное. В кино быть живым еще труднее. Потому что там так: сыграл роль и прощаешься с ней, не живешь с ней, как в театре. Я вот в спектакле «Трамвай «Желание» начал работать двадцать лет назад — ни одного седого волоса не было. А сейчас весь седой. Но с этой ролью я живу, с ней взрослею и старею.

— В вашей работе исходным «материалом» является драматургия. У вас есть свои пристрастия в этой области?

— В литературе меня никогда не увлекает сюжет. У тех писателей, которых я люблю, мне интересны в первую очередь способ мышления, умение загадывать загадки, вызвать беспокойство о жизни, о людях, о себе. Пожалуй, в этом наши профессии рождаются.

Хотя могло бы случиться так, что я бы никогда и не знал, что это такое — хорошая литература. Потому что вышел из школы, ненавидя два произведения, которые, как я позже понял, гениальны: «Ревизор» и «Горе от ума». Бездумное заучивание наизусть монологов Чацкого и Фамусова, наверное, многих надолго, если не навсегда, отвратило от книг. Надо же было внушить такую ненависть!

— Есть ли взаимосвязь между актерской работой и повседневным бытом?

— Мне нравится простая жизнь. Ощущения. Запахи. Вот мой кот Фил при встрече потяги-

вается, идет ко мне. И я даже не вижу, а чувствую: это радость. Сумерки люблю... Но больше всего — день. Причем для меня в этом нет ничего поэтического, я ведь сугубо прозаический человек.

А связь частной жизни любого актера с работой самая прямая. Причем, я думаю, ни в одной другой профессии она так не прослеживается. Существующая

Автопортрет

Армен Джигарханян. — 1990. — 13 марта

Армен Джигарханян:

«Я ЧЕЛОВЕК ПРОЗАИЧЕСКИЙ»

поговорка «хороший человек — не профессия» совершенно не относится к актеру. Потому что хороший человек в нашем деле — это часть профессии. Настоящий актер чувствует чужую боль и мучительно ее переживает. Вообще талантливый артист — это затрата, старение. И если я честен, то все, что со мной в обыденной жизни происходит, будет присутствовать на сцене. И моя кухня, и мой кот... Все найдет свое отражение и выражение.

— Хотелось ли вам жить в другое время, в другой среде, или вам хватает «перемещений» во времени и пространстве на сцене и на экране?

— Вспомнил Пушкина: «Над вымыслом слезами обольюсь...» Я слышу тут предупреждение: мы все «над вымыслом слезами обольяемся», упуская действительность. Выдумываем себе пророков, лидеров, «иное время» и так далее. Я тоже, конечно, мечтаю. Лежу иногда ночью и представляю себя цирковым артистом, который летает под куполом, или классным футболистом... Но все равно, я думаю, реальность лучше.

То, что с нами со всеми происходит, — невероятнее любого вымысла. Но это нужно уметь видеть. И если внимательно посмотреть на себя, то замечаешь, какие мы интересные в жизни и какие картонные в искусстве!

Мой учитель Армен Карпович Гулакян говорил об этом примерно так: «Вы идете по улице и спрашиваете у встречного, который час. Он отвечает: пять минут пятого. Так вот прежде, чем вы его спросили и он отве-

тил, между вами прошел биоток. Он может кончиться, погаснуть, но может произойти и наоборот. Это и есть чудо нашей реальной жизни. И вот поймать этот биоток — основа актерской профессии...»

— Как вы понимаете «школу актерского мастерства», можно ли научиться быть актером? Есть ли у вас ученики?

— Школа — это лишь навык к профессии, все же остальное зависит лишь от индивидуальности человека. Если честно, то слово «школа» мне не очень нравится. Потому что я видел, как человек слепой, фанатично

телефон и некоторое время ни с кем не общаюсь.

Больше всего люблю путешествовать. Мы с женой объездили почти всю Восточную Европу как автотуристы. Это такое наслаждение — ехать куда-то. Из удивленных стран мне больше всего понравилась Америка. Как утверждает Пушкин, Сальери не смог пережить лидерство Моцарта. Так вот, Сальери в каждом из нас живет, но в американском обществе, мне показалось, комплекс зависти пытаются преодолеть. Во всяком случае озбочены этой проблемой. Поэтому люди более доброжелательны, отзывчивы. Верят друг другу. А вот у нас все по-другому. Каждый раз в каком-то деле нужна справка — либо с работы, либо с места жительства. Это всего лишь маленькая бумажка, но корбит уже то, что мне не верят. Лучше все-таки, чтобы верили. Может, я тогда и обманывать не буду, ведь так?..

А вот хобби у меня нет, но зато есть комплексы. Не умею плавать — раз; не играю ни на одном из музыкальных инструментов — два; не знаю языков — три. Третье, конечно, можно заключить в общую постыдную проблему всех наших сограждан, со вторым я уже смирился, а вот с первым — нет. Лет пять назад подумал: «Как бы там ни было, но плавать научусь!». Даже зарок себе дал. Прихожу к директору «Олимпийского». Он приводит тренера и говорит: «Это наш лучший тренер». Ну, я не буду рассказывать в подробностях, но смешного там было много. Через две недели мы вернулись к директору, и тренер ему говорит: «Первый раз вижу человека с таким патологическим стремлением утонуть». Так что плавать я не научился и остался при своих комплексах. Наверное, не судьба.

— Как вы относитесь к переменам в нашем обществе?

— Меня смущают суэта и эйфория, которые наблюдаю сейчас вокруг. Людей, поддающихся этому состоянию, я называю «бегущими по эскалатору», и сам не хочу бежать, даже если все беруг. Мне нужно сначала вслушаться в себя и понять свой собственный голос. Сейчас многое происходит как-то искусственно, сумбурно. Мой же идеал — быть последовательным, как природа.

— Есть ли в вашей жизни праздник, который всегда с вами?

— Это мой дом. Атмосфера, в которой живу. Театр. Причем я уже говорил, что я человек прозаический, и в моем «празднике» нет сантиментов. Ведь бывает, что не хочется идти в театр, бывает, что радуешься отмене спектакля, все бывает. И все же театр для меня останется непостижимым чудом...

Беседа велась
В. ДЗЮБА.